

УДК 342.41 342.722 342.8 342.34 342.31

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ НОВЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ И ПУБЛИЧНОЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ

И. А. КРАВЕЦ¹⁾

¹⁾Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, 630090, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Анализируются особенности природы латиноамериканского конституционализма, традиции и инновации в конституционном развитии субконтинента, рассматривается международная дискуссия о народном суверенитете, конституирующей власти и демократическом участии в иберо-американском конституционном праве. Отмечается, что конституционные реформы в последней четверти XX – первой четверти XXI в. привели к появлению партисипативных институтов, активному использованию форм делиберативной и императивной демократии, расширению систем демократического участия граждан в конституционных изменениях. Новые институты стали сосуществовать с традиционными представительными институтами демократического правления. С учетом международной дискуссии в исследовании констатируется, что латиноамериканский конституционализм, не завершивший переход к демократическому правлению, отличается нестабильным характером.

Ключевые слова: новый конституционализм; Латинская Америка; участие граждан; конституционные изменения; конституирующая власть.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> (проект «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

LATIN AMERICAN NEW CONSTITUTIONALISM AND DEMOCRATIC PARTICIPATION IN CONSTITUTIONAL CHANGES AND PUBLIC DELIBERATION

I. A. KRAVETS^a

^aNovosibirsk State University, 1 Pirogova Street, Novosibirsk 630090, Russia

Abstract. The author of the article analyses the peculiarities of Latin American constitutionalism nature, traditions and innovations in the constitutional development of the continent, reveals the international discussion on popular sovereignty, constituent power and democratic participation in Ibero-American constitutional law. The author notes that constitutional reforms in the last quarter of the 20th century and the first quarter of the 21st century led to the emergence of participatory institutions, the active use of forms of deliberative and imperative democracy, and the expansion of systems of democratic participation of citizens in constitutional changes. New institutions coexist alongside traditional representative institutions of democratic government. The author believes, participating in the international discussion, that Latin American constitutionalism is unstable in nature and an incomplete transition to democratic government.

Образец цитирования:

Кравец ИА. Латиноамериканский новый конституционализм и демократическое участие в конституционных изменениях и в публичной делиберации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025;1:36–45. EDN: BZRSUR

For citation:

Kravets IA. Latin American new constitutionalism and democratic participation in constitutional changes and public deliberation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:36–45. Russian. EDN: BZRSUR

Автор:

Игорь Александрович Кравец – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права.

Author:

Igor A. Kravets, doctor of science (law), full professor; head of the department of constitutional and municipal law, leading researcher, Institute for the philosophy and law. kravigor@gmail.com

Keywords: new constitutionalism; Latin America; citizen participation; constitutional changes; constituent power.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> (project «Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)»).

Введение

Конституционализм все чаще рассматривается как многомерное явление с территориальной спецификой и аксиологической константой, которая может иметь вариации иерархии и предпочтений конституционных ценностей, отражающие культурную, геополитическую, историческую, духовную традицию.

Область сравнительного конституционного права и сравнительного конституционализма находится в динамическом развитии и завоевывает свое место в системе юридического образования, показывая важность знаний о конституционном опыте различных стран и регионов в условиях международного сотрудничества и международного противостояния различных государств. Создаются национальные модели преподавания конституционной компаративистики, которые требуют учитывать специфику общего и особенного в конституционном праве и конституционализме, новые контексты международного сотрудничества и интеллектуального влияния [1, с. 5; 2, с. 72]. Конституционную компаративистику правомерно рассматривают «как универсальный ресурс современного юридического образования» [3, с. 50]. Данный интеллектуальный конституционно-правовой ресурс в условиях сотрудничества со странами Латинской Америки в XXI в. приобретает важное геополитическое значение.

Исследователи моделей конституционализма в современном мире отмечают, что само многообразие моделей сформировалось благодаря факторам права, истории, культуры, традиции и публичной этики. В борьбе за многополярный мир происходит дальнейшая диверсификация конституционализма, которая имеет несколько параметров измерения (территориальную и географическую специфику, разнообразие моделей конституционной идентичности, национально-именное своеобразие, степень вовлечения и формы участия общественности в конституционных изменениях, вид государственного режима [4, с. 42–43].

В научной литературе предлагается рассматривать взаимосвязь права и власти в качестве динамической основы установления конституционализма [5, с. 4]. Отношение к публичной власти и особенно к власти главы государства как к политическому ресурсу конституционной модернизации

отличает страны Латинской Америки. Такая власть является гипертрофированной в конституционной системе правления и может идти на нарушение действующего правового порядка, в том числе порядка принятия новой конституции или конституционных поправок, если они вызваны жизненной необходимостью укрепления власти президента, упрочения популистских обещаний и мобилизации народных масс на поддержку государственного режима.

Обращаясь к конституционализму как планетарному явлению, обладающему своей спецификой на глобальных юге, севере, западе и востоке, важно увидеть общие и отличительные черты, которые формируют традиции и инновации в конституционном праве различных стран и регионов [6–8]. Страны Латинской Америки чаще всего относят к региону Глобального Юга (Центральная Америка и Южная Америка).

Нередко исследователи обращают внимание на опыт работы «живой конституции» и судебного конституционализма в России и США, что имеет под собой определенные идейные и интерпретационные истоки [9, с. 46–47]. Развитие международного сотрудничества в рамках БРИКС (где участвуют Россия как член-учредитель (с 2009 г.) и Беларусь как страна – партнер БРИКС (с 2024 г.)) позволяет проводить научные исследования и строить культурный и конституционный диалог со странами Латинской Америки, где региональным лидером признается Бразилия (член – учредитель БРИКС (с 2009 г.)).

Конституционное право, как и конституционализм в Латинской Америке «представляет собой мозаику национальных историй, политических экспериментов и институциональных переходов»¹ [10, р. XV]. Страны региона и их конституционные системы отличаются друг от друга, тем не менее «можно обнаружить немалый набор общих черт, которые выходят за рамки чисто географической смежности этих стран» [10, р. XV].

Иберо-американский конституционализм имеет колониальное прошлое. В регионе долгое время господствовали военные диктатуры или авторитарные режимы [11]. Сложность понимания конституционного процесса в Латинской Америке заключается в том, что регион только «кажется однородным, на самом деле он институционально очень разнообразен»,

¹Здесь и далее перевод наш – И. К.

при этом существует огромный «разрыв между законом в книгах и законом в действии» [12, р. VIII].

Страны Латинской Америки испытали влияние тренда на конституционное и политическое вовлечение в публичное пространство и конституционное развитие. Тренд на конституционную инклюзию в современном сравнительном конституционном праве привлекает особое внимание исследователей по всему миру. Научный интерес к данной тенденции проявляют конституционалисты из России и Беларуси, что показывает общность научных взглядов и международный интерес к участию граждан в конституционных изменениях. Например, в работах российских ученых исследованы опыт конституционного участия граждан в реализации учре-

дительной власти в Исландии и Ирландии [13; 14], развитие института гражданских ассамблей и других форм участия граждан в Новом и Старом Свете [15, с. 40]. В белорусской конституционно-правовой науке рассматривается участие граждан в разработке конституции и конституционных поправок (на опыте Франции, Люксембурга, Ирландии, Исландии) [16, с. 34]. В международных исследованиях для понимания специфики, нормативных и институциональных механизмов конституционных изменений (с использованием компаративной методологии) сообществом конституционалистов создаются общие научные основы участия граждан в конституционных изменениях и публичной делиберации [17, р. 1–6; 18].

Конституирующая власть в латиноамериканском конституционализме и проблема демократического участия: традиции и инновации

В большинстве случаев собственный опыт конституционного развития появился у стран Латинской Америки в первой половине XIX в. в результате борьбы с колониальными державами (Испанией и Португалией) и обретения независимости. Первые конституции, возникшие в эпоху освобождения от колониальной зависимости европейских держав, оказывались под бременем колониального прошлого. Рассматриваемый субконтинент отличаются присутствием значительной конституционной нестабильности, принятие множества конституций и проведение конституционных экспериментов, имеющие место с момента обретения государствами независимости. В XIX в. в Латинской Америке не наблюдались принятие и распространение демократических конституций. Первые из них появились только в XX в. в ходе демократической борьбы с неравенством и колониальным прошлым после демократического перехода либо в ходе демократического транзита от авторитарных режимов или военных диктатур. Как отмечает председатель Верховного федерального суда Бразилии профессор Л. Р. Баррозу, за 200 лет конституционного развития «некоторые факторы присутствовали повсеместно, влияя на множественный конституционный опыт континента и согласуя его» [19, р. V–VI]. В качестве наиболее значимых из этих факторов ученые называют авторитаризм и институциональную нестабильность, проявляющиеся в гражданских или военных диктатурах, государственных переворотах и постоянной угрозе военного вмешательства; гиперпрезидентство (суперпрезидентство) в структуре государственного правления и конституционной системы в целом; патримониализм и коррупцию, последствия ненад-

лежащего разделения публичной и частной сфер правового регулирования; колоссальное социальное неравенство, которое в течение длительного времени поощрялось требованием минимального дохода для голосования или запретом на участие в политической жизни неграмотных граждан [19, р. VI].

Многообразие конституционного опыта и нестабильность иберо-американского конституционализма отражают большое количество конституций, принятых за двухвековую историю конституционного развития. По количеству принятых конституций лидируют Доминикана (34 конституции, действующая Конституция 2015 г.), Венесуэла (26 конституций, действующая Конституция 1999 г.), Гаити (24 конституции, действующая Конституция 1987 г.), Эквадор (20 конституций, действующая Конституция 2008 г.). Более десяти конституций приняли Боливия (17 конституций, действующая Конституция 2009 г.), Гондурас (14 конституций, действующая Конституция 1982 г.), Никарагуа (14 конституций, действующая Конституция 1987 г.), Эль-Сальвадор (14 конституций, действующая Конституция 1983 г.), Перу (12 конституций, действующая Конституция 1993 г.). Менее десяти конституций приняли Колумбия (10 конституций, действующая Конституция 1991 г.), Чили (10 конституций, действующая Конституция 1980 г.), Гватемала (9 конституций, действующая Конституция 1985 г. в редакции 1993 г.), Коста-Рика (9 конституций, действующая Конституция 1949 г. в редакции 2003 г.), Бразилия (7 конституций, действующая Конституция 1988 г.), Мексика (7 конституций, действующая Конституция 1917 г.), Аргентина (6 конституций, действующая Конституция 1853 г. с многочисленными поправками, последние внесены в 1994 г.)², Парагвай (6 конституций,

²Существует несколько позиций о характере конституционной реформы 1994 г. в Аргентине. Одни авторы утверждают, что появилась новая Конституция 1994 г. [20, с. 102], другие полагают, что произошла реформа Конституции 1853 г. со значительными содержательными изменениями [21, с. 197; 22, с. 8]. Для этого есть правовые основания: изменения были внесены в 89 из 110 статей прежней конституции, появились 19 новых статей, которые содержали коренные изменения, в том числе отражали тренд на конституционное и публично-правовое вовлечение граждан страны. Эти факты дают основание считать, что появилась Конституция 1994 г. (как новая редакция Конституции 1853 г.).

действующая Конституция 1992 г. в редакции 2011 г.), Уругвай (6 конституций, действующая Конституция 1966 г., восстановленная в 1985 г., в редакции 2004 г.), Куба (5 конституций, действующая Конституция 2019 г.), Панама (4 конституции, действующая Конституция 1972 г. в редакции 2004 г.), Пуэрто Рико (2 конституции, действующая Конституция 1952 г.)³. В литературе указывается и на 7 конституций Уругвая, в этом случае считается, что реформа 1996 г. была значительной. Однако официально на сайте парламента страны действующей конституцией признается Конституция Восточной Республики Уругвай (Конституция 1967 г. с поправками, одобренными плебисцитами 26 ноября 1989 г., 27 ноября 1994 г., 8 декабря 1996 г. и 30 октября 2004 г.).

Самое продолжительное время в Латинской Америке действовала Конституция Мексиканской Республики 1917 г., которая претендует на второе место по конституционному долгожительству в мировом масштабе (первое занимает Конституция США 1787 г.).

По данным латиноамериканских конституционалистов, с момента обретения независимости и до сегодняшнего дня «страны Латинской Америки отредактировали более 250 конституций» [19, р. VI], многие из которых оказались недолговечными. Этот показатель замены конституций наиболее высокий в мире по сравнению со странами Северной Америки, Европы и Азии.

Темпы принятия новых конституций в данном регионе снижаются в последней четверти XX – первой четверти XXI в. Большая часть конституций, принятых с момента обретения независимости, приходится на начало XX в. А в период 1978–2017 гг. в регионе было принято только 18 новых конституций [23, р. 1–2], однако и этот показатель является высоким.

Исследования процессов замены конституций и внесения конституционных поправок в странах Латинской Америки показали, что существуют некоторые закономерности. Во-первых, конституции заменяются, когда они «не работают в качестве структур управления или когда их конструкция не позволяет конкурирующим политическим интересам приспособляться к меняющейся среде» [24, р. 749]. В этом случае конституционная замена знаменует политическое решение воссоздать базовую правовую структуру государства, однако частая замена свидетельствует о неустойчивости правовых и политических основ демократии в государстве, о незавершенности перехода к демократическому правлению. Страны с высокими частотой и скоростью замены конституций имеют неустойчивый характер конституционализма и незавершенный переход к демократическому режиму.

Во-вторых, с большей вероятностью конституции будут заменяться при частом возникновении консти-

туционных кризисов, вызванных необоснованными притязаниями на власть, нестабильностью партийной системы, «когда политические игроки не имеют возможности осуществлять изменения посредством поправок или судебного толкования либо когда конституционный режим имеет структуру, концентрирующую власть» [24, р. 749–750]. Конституционные поправки как стратегия конституционных изменений представляют собой механизмы правовой адаптации, которые сохраняют преемственность конституции в изменяющейся среде, поэтому многие страны Латинской Америки, стремящиеся в демократической и социальной стабильности, в последние 25–30 лет выбирают путь внесения поправок (Мексика, Бразилия, Колумбия и др.).

В-третьих, частота внесения поправок зависит как от объема и степени детализации конституции, так и от жесткости процедуры внесения поправок и ее взаимодействия с фрагментацией партийной системы. Надо отметить, что большинство латиноамериканских конституций имеют огромное количество статей (например, в Конституции Эквадора более 400 статей). По данному показателю их опережает только Конституция Индии 1950 г. Поэтому конституционные изменения, осуществляемые через внесение поправок в конституцию, казалось бы, наиболее приемлемы для стран Латинской Америки.

Исследование участия народа в конституционных изменениях в конце XX – первой четверти XXI в. в Колумбии (конституция принята в 1991 г.), Венесуэле (конституция принята в 1999 г.), Эквадоре (конституция принята в 2008 г.) и Боливии (конституция принята в 2009 г.), показало необходимость разработки доктрины экстраординарной (чрезвычайной) адаптации (*theory of extraordinary adaptation*) [25, р. 123] для объяснения латиноамериканской специфики. Автор исследования использовал термин «народный» для обозначения процессов создания конституций, «в которых мнимая власть народа имела значительное влияние на процесс, особенно при использовании конституирующей власти для оправдания нарушения закона» [25, р. 13]. Потребность в конституционных изменениях вызвала к жизни новые учредительные процессы с серьезными преобразованиями и с определенной демократизацией публичной сферы в Гватемале в 1985 г., Бразилии в 1988 г., Перу в 1993 г.

Страны Латинской Америки относятся к странам со средним уровнем экономического развития, хотя и различаются между собой по социально-экономическим показателям и реальному экономическому весу на субконтиненте [26, с. 4]. В России и Беларуси сохраняется (из советского прошлого) и получает новые импульсы для развития традиция изучения и исследования конституционно-правовых институтов, государственно-правовых и политических систем

³ Действующая Конституция закрепила статус ассоциированной с США территории.

латиноамериканских государств. Конституционное развитие стран этого региона всегда включалось в предмет сравнительного конституционного права или конституционного права зарубежных стран в российской и белорусской науке [26; 27, с. 3–19].

Современный народный конституционализм признает народ начальным и конечным источником публичной власти и для принятия конституции, и для внесения конституционных изменений. Однако возникающий при народном участии вопрос о том, кто такой народ в конституционно-правовом смысле, заставляет задуматься о сложных вопросах юридического признания и закрепления за ним различных форм участия в конституционных изменениях.

Несмотря на то что конституционная народная инклюзия становится с начала XXI в. международным трендом в процессах конституционного дизайна, а также создания и изменения конституций, существует критическое осмысление народного участия, связанное с усилением влияния популистских идеологий и механизмов конституционной мобилизации масс. Ученые видят двойственность народного участия: с одной стороны, существуют преимущества и достижения, с другой – имеют место риски прямой демократии, злоупотребления при использовании институтов прямой демократии, подрыва господства права и конституционной законности при применении технологий непосредственного участия граждан. В исследованиях иберо-американского конституционализма происходит осмысление рисков прямой демократии и использования ее институтов [11, р. 9–11].

Демократическое участие народа (на основе императивных и делиберативных инструментов) становится сравнительно новым конституционно-правовым институтом, который не только достаточно активно используется в латиноамериканских государствах, но закрепляется в новых конституциях при переходе к демократии и создании элементов открытого правительства (как, например, в Бразилии). Бразилия не только приняла демократическую конституцию в 1988 г., но и сформировала на ее основе «инфраструктуру демократического участия» [28, р. 155].

Федеральная конституция Бразилии 1988 г. разрабатывалась как «гражданская конституция» (*Constituição Cidadã*) [29, р. 1169]. Она базировалась на духе и ценностях веры в построение справедливого демократического государства и достижение солидарности. Данная конституция переняла ряд положений из таких источников, как Конституция Мексиканской Республики 1917 г. и Веймарская конституция 1919 г. [30]. Она разрабатывалась с учетом гражданских конституционных инициатив (предло-

жений граждан) для Национального учредительного собрания. В 1987 г. бразильцы представили в Национальное учредительное собрание 122 народные поправки в конституцию, которые были поддержаны более чем 12 млн подписей. Народные поправки появились на фоне общенациональной кампании за народное участие. Эффект народного конституционализма, проявивший себя в ходе создания «гражданской конституции» Бразилии, оказал влияние на конституционное развитие региона и процесс дальнейшего создания инфраструктуры демократического и делиберативного участия граждан. Народ Бразилии стремился своим участием выразить надежды и чаяния на конституционное будущее страны, тем самым отодвигая опыт бразильской диктатуры в прошлое. По мнению Д. МакДональда, «народные поправки противопоставили произвольному авторитаризму бразильской военно-гражданской диктатуры (1964–1985) конституционализм, при котором рядовые бразильцы будут защищать демократию посредством народного участия в управлении» [31, р. 619–620].

Бразильская модель делиберативного участия постепенно становится краеугольным камнем демократической архитектуры Бразилии. Она основана на положениях конституции страны. Первоначальный текст ст. 193, на которую, как правило, ссылаются как на юридическое основание делиберативного конституционализма в Бразилии, ничего не говорил об участии общественности в формировании демократической политики и провозглашал, что «общественный порядок основан на примате труда, а его целями являются социальное благополучие и справедливость». Эта статья была дополнена единственным абзацем (поправка к Конституции № 108 от 2020 г.), который стал закреплять расширенные формы демократического участия граждан, после чего стала рассматриваться как основной столп бразильской демократии («государство будет осуществлять функцию планирования социальной политики, обеспечивая, в соответствии с законом, участие общества в формулировании, мониторинге, контроле и оценке этой политики»⁴).

Институциональные инновации в сфере демократического участия, конституционного и (шире) публичного права определили вектор развития латиноамериканского конституционализма как субрегионального феномена критическим осмыслением конституционных процессов [32; 33]. Инновации конституционно-правового и политического характера привели к частичному оздоровлению публичной сферы после перехода стран к демократическому правлению, однако не ликвидировали значительное неравенство, эрозию господства права и укрепили

⁴Constituição Federal de 1988 atualizada até a Emenda Constitucional nº 134/2024 [Electronic resource]. URL: https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/legislacao/constituicao1988/arquivos/ConstituicaoTextoAtualizado_EC%20134.pdf (date of access: 20.01.2025).

участие коренных жителей в политическом процессе, признав за ними определенные права.

Странам Латинской Америки свойственно распространение и характерное влияние на конституционные процессы и публичную политику леворадикальной и консервативной идеологии. В области понимания конституирующей власти соперничают две концепции и соответствующие им тенденции: конституционный легализм и учредительный радикализм, которые в различной комбинации определяют судьбу процессов создания, изменения и смены конституций.

Региональным лидером в сфере конституционной инклюзии и создания инфраструктуры участия в конце XX – начале XXI в. стала Бразилия, а инклюзивный поворот и расширение форм и сфер демократического участия охватывает многие страны Латинской Америки [34, р. 3].

В первой четверти XXI в. (с предпосылками, возникшими в последней четверти XX в.) сформировалась устойчивая тенденция конституционного вовлечения граждан в процесс создания новых конституций и принятия конституционных поправок, обсуждения и принятия важных для общества и государства решений на основе демократической и делиберативной инклюзии. Хотя конституционная инклюзия имеет различные параметры и степень вовлечения граждан на различных этапах подготовки и принятия новых конституций, она приобретает в новом тысячелетии глобальное значение и имеет специфику в государствах Латинской Америки.

Некоторые исследователи полагают, что доктрина и практика использования народного суверенитета и конституирующей власти в Латинской Америке представляет собой двухсторонний процесс: к традиции навязывания народу конституции со стороны правящего президента, партии или хунты добавляется демократическое участие граждан снизу по вопросам конституционных изменений. Новаторский подход в практике и в ее изучении демонстрирует новые возможности и реальные конституционные инновации, а именно использование для изучения социальных движений «двухстороннего подхода, т. е. сочетания стратегий “снизу вверх” и “сверху вниз” для объяснения возрождения движений, которые перерисовывают политический ландшафт региона» [35, р. 1–2].

Э. Бетансес и К. Ф. Ибарра называют появление демократии снизу в конституционных процессах латиноамериканского региона наиболее революционным компонентом новых противоречивых политических процессов, происходящих в Латинской Америке. Они обосновывают необходимость дальнейшего развития партиципативной демократии, основанной на учредительной власти, а также расширения народного суверенитета [35, р. 1–13] в та-

ких государствах, как Венесуэла, Боливия, Бразилия, Аргентина, Мексика и Доминикана.

Конституирующая власть и народный суверенитет могут использоваться в целях легитимации нового срока президента, если такой не предусмотрен в конституции страны, тем самым возвращая в структуру правления идеологию популизма для нарушения конституционного правопорядка. Пример Гондураса показывает, что либеральная концепция демократии может повлиять на политические события в стране, однако не может обеспечить реальный демократический процесс, если военные не соблюдают принципы господства права и вовлечения граждан в конституционный процесс, хотя и действуют по постановлению верховного суда. Так, 14 марта 2009 г. М. Селайя захотел вновь баллотироваться на пост президента страны. Конституция 1982 г. ограничивает срок президентства четырьмя годами без права на переизбрание. Тогда М. Селайя запланировал на 28 июня 2009 г. конституционный референдум, не предусмотренный конституцией, для того чтобы ее изменить. Эти действия привели к конституционно-политическому кризису и аресту М. Селайи по постановлению верховного суда. Обращение к мнению граждан через конституционный референдум, не предусмотренный конституцией («чтобы гондурасский народ мог выразить свое согласие или несогласие с инициированием учредительного процесса») в литературе рассматривается как позитивный пример [35, р. 5]. Однако процесс даже не начался, потому что гондурасские военные и доминирующая элита свергли президента М. Селайю в июне 2009 г.

Другой пример породил чилийский конституционализм. Следует отметить, что конституционные изменения могут происходить в условиях демократического и авторитарного политического режима с различной степенью допуска граждан к участию в разработке и принятию проекта новой конституции. Замена конституции или значительные конституционные поправки могут усиливать демократию и повышать степень стабильности государственного правления. Однако, как показывает опыт Чили, замена конституции может усиливать режим военной диктатуры и личную власть президента. Как отмечает Х. Л. Герреро Бекар, Конституция Чили 1980 г. «была принята военной диктатурой, управлявшей Чили в 1973–1990 гг.» [36, с. 81]. В такой же степени нельзя исключать возможность более сложной ситуации, когда демократические перемены приводят к конституционным изменениям и разработке проекта новой конституции, принятие которой становится невозможным из-за серьезных общественных разногласий и конфликта новых и старых ценностей (например, об этом свидетельствуют события, произошедшие в Чили в 2022 и 2023 гг.).

Возникшая в период военной диктатуры проблема легитимности Конституции Чили 1980 г. отвечает

на вопрос, почему в стране существует настойчивое требование заменить Основной Закон после редемократизации публичной сферы и конституционного права. Данное требование, основанное на нелегитимности происхождения конституции 1980 г., сосуществует с реальными процессами редемократизации и внесения конституционных поправок, поэтому, по мнению исследователей, «чилийцы должны гордиться тем, что построили полноценную демократию, несмотря на ограничения конституции, направленной на создание защищенной демократии под военной опекой» [37, р. 485]. Как отмечает автор, «чилийские политики продемонстрировали свою способность установить необходимый консенсус для внесения 43 конституционных изменений со времени восстановления демократии в марте 1990 г.» в конституцию А. Пиночета, которая создавалась во время военной кровавой диктатуры [37, р. 486].

Граждане могут участвовать в одобрении проекта новой конституции через процедуру голосования в условиях прихода к власти авторитарных военных сил или в условиях авторитарного давления и авторитарного политического режима (как это было в отношении Политической Конституции Республики Чили 1980 г., принятой на конституционном референдуме 11 сентября 1980 г. и пришедшей на смену конституции 1925 г.). Результаты конституционного референдума показали, что 67,04 % голосов были отданы за ратификацию конституции при нарушении процедуры проведения голосования, а 30,19 % голосов были против нее. Общенациональный референдум укрепил военный режим А. Пиночета и его положение в качестве президента республики (с расширенными полномочиями).

Граждане могут участвовать в конституционном референдуме в условиях состоявшегося перехода от военной диктатуры к демократическому правлению. Именно демократический переход и наличие свободы обсуждения проекта (публичной и научной дискуссии, опирающейся на народное голосование), соревнование и оценка различных идей и ценностей, заложенных в проект новой конституции, могут приводить к парадоксу двойного отклонения новой конституции (как произошло в Чили в 2022 и 2023 гг.). Как показал опыт Чили, 17 декабря 2023 г.

избиратели отклонили предложенную консервативную конституцию, чтобы заменить действующий акт страны, принятый во времена диктатуры А. Пиночета. Данное голосование состоялось более чем через год после того, как чилийцы также отклонили предложенную конституцию, написанную левым конвентом, которая была отнесена к одной из самых прогрессивных конституционных хартий в мире. При подсчете оказалось, что в голосовании участвовали 99,65 % граждан, около 55,76 % из них отклонили новый текст конституции, а 44,24 % проголосовали за его принятие⁵. Последний проект конституции оказался, по мнению отдельных экспертов, еще более консервативным, чем документ, написанный во время правления А. Пиночета. Отвергнутый в 2023 г. проект конституции был написан в основном правой республиканской партией страны во главе с Х. А. Кастом⁶.

В голосовании, которое было обязательным для граждан, приняли участие около 12,86 млн человек. Вторая попытка конституционной замены наследия А. Пиночета не увенчалась успехом и, как сказал президент страны Г. Борич в телевизионном обращении, «страна поляризовалась, разделилась», а конституционный процесс «не оправдал надежд на то, что новая конституция будет написана всеми»⁷.

Таким образом, страны Латинской Америки в XXI в., проходя процессы демократизации и цифровизации публичного сектора, демонстрируют стремление создать нормативные, институциональные и интеллектуальные основы конституционного включения граждан в систему демократического участия.

Опыт конституционного развития стран Латинской Америки в последней четверти XX – первой четверти XXI в. продемонстрировал стремление соединить традиции постколониального развития и особенности демократического участия граждан, нацеленные на реализацию открытого управления государством, цифрового участия и цифрового гражданства, расширение сфер и способов конституционного вовлечения граждан и институтов гражданского общества, формирование профессионального экспертного мнения в условиях развития современных информационных технологий.

О природе и дилеммах латиноамериканского конституционализма: результаты и их обсуждение

Конституционализм и конституционное право в Латинской Америке отличаются спецификой субконтинентального развития. Латиноамериканские

государства имеют общие черты, сформированные первым конституционным опытом и результатами борьбы за независимость, у них разноплановое

⁵In Chile, voters reject new constitution in referendum [Electronic resource]. URL: <https://constitutionnet.org/news/chile-voters-reject-new-constitution-referendum> (date of access: 20.01.2025).

⁶Badgamia N. Chileans vote against new conservative constitution to replace current dictatorship-era text [Electronic resource]. URL: <https://perma.cc/B7PT-ZMWF> (date of access: 20.01.2025).

⁷Timerman J. Chileans reject Constitution 2.0 [Electronic resource]. URL: <https://latinamericadailybriefing.substack.com/p/chileans-reject-constitution-20> (date of access: 20.01.2025).

и в то же время общее колониальное прошлое, большое испано-португальское наследие. Латиноамериканский конституционализм, основанный на демократическом участии граждан, возникал как реакция на авторитарное прошлое, результат перехода от авторитаризма к демократическим режимам государственного правления. Опыт влияния испанского конституционного права (в частности, Кадисская конституция Испании 1812 г. и Конституция Королевства Испания 1976 г.) на испаноговорящий регион и одновременно создание в XXI в. конституционных инноваций в сфере демократического и цифрового вовлечения граждан в политическое и конституционное участие сопровождается активным развитием государств и их сотрудничеством друг с другом и бывшими метрополиями.

Природа латиноамериканского конституционализма в новом тысячелетии модифицируется под влиянием демократического включения граждан в процесс изменения конституций, демократического участия в публичной сфере и выработке государственной политики, а также использования цифровых технологий, в том числе краудсорсинговых платформ, в парламентской деятельности таких государств, как Бразилия и Чили.

При этом сохраняются различные традиции в конституционном праве региона, порожденные внешним влиянием и опытом собственного конституционного развития. Р. Гаргарелья полагает, что следует говорить о латиноамериканской конституционной традиции, которая стала формироваться с момента принятия Конституции Венесуэлы 1811 г., начала борьбы за независимость от колониального владения. Большое значение для субконтинента имеют три принципиально разные конституционные традиции, относящиеся к трем разным проектам (пониманиям) конституционализма (в рамках республиканского, консервативного и либерального подходов). Традиции республиканизма, консерватизма и либерализма складывались под влиянием трех устойчивых политических и правовых течений, которые сформировались во времена Великой французской революции, Американской революции и Испанской империи соответственно. Республиканская, консервативная и либеральная конституционные традиции в латиноамериканском конституционном праве, по мнению Р. Гаргарельи, находились и по-прежнему находятся в диалоге с этими тремя фундаментальными влияниями [38, р. 307].

Латиноамериканские авторы и ученые из других стран считают, что вполне обоснованно с учетом новаций и достижений последних десятилетий использовать для характеристики латиноамериканского конституционализма в новом тысячелетии понятия «новый конституционализм» [39; 40] или «неоконституционализм» [41, с. 85]. Подобные термины являются не столько понятиями, сколько лозунгами,

содержащими элементы конституционных программ развития региона и конституционной идеологии. Они были придуманы для обозначения определенных конституционных процессов и конституционных реформ, которые произошли относительно недавно в Латинской Америке. Ученые-конституционалисты не были слишком оптимистичными в отношении масштабов и характера этого нового конституционализма. Многие разделяют такой критический скептицизм, полагая, что «это новое явление не меняет существенно органического элемента различных конституций в регионе» [42, р. 212]. Между тем новый латиноамериканский конституционализм, как показывают последние исследования, все же следует оценивать в контексте его связи с современной «неоконституционной теорией» в целом.

Среди латиноамериканских конституционалистов существует стремление связать новый конституционализм Латинской Америки с возникшей ранее и существовавшей до сих пор конституционной традицией региона. Так, Р. Гаргарелья отмечает, что, если проследить эволюцию латиноамериканского конституционализма от его истоков до последней волны конституционных реформ, которая имела место в конце XX в., будет оправданно говорить о возникновении так называемого нового латиноамериканского конституционализма [43, р. 109–110]. Однако в регионе существует глубокая преемственность между этим «новым» конституционализмом и более традиционным и архаичным «старым» региональным конституционализмом в отношении организации прав, а также преобладает практика институционального дизайна конституционной системы. Р. Гаргарелья утверждает, что организация власти, которая по-прежнему существует в большинстве конституций в регионе, определяется элитарными и авторитарными чертами либерально-консервативного периода, доминировавшего в Латинской Америке в 1850–90 гг. Эти черты в конце XX – первой четверти XXI в. только частично, как можно полагать, демократизированы расширением народного участия, конституционным вовлечением граждан в публичную сферу, проведением конституционных референдумов и созданием инфраструктуры демократического участия в Бразилии, Аргентине и других странах.

Вместе с тем конституционное закрепление социальных прав, прав коренных народов в латиноамериканских конституциях признается позитивным фактором развития, который вызывает новые трудности и проблемы.

Демократические реформы проводят в регионе не только для обеспечения вовлечения граждан, но и для закрепления их социальных прав. Конституционное признание таких прав предполагает передачу дополнительных полномочий судебной власти, являющейся наименее демократической ветвью

власти. Обращение к народной власти и использование народного суверенитета для проведения реформ (в том числе с опорой на конституционное участие граждан) со стороны новых реформаторов (нередко президентов стран) встречает сопротивление «ста-

рых структур» государственного правления, которые блокируют новые предложения или затрудняют их реализацию («старая организация власти препятствует реализации новых социальных и мультикультурных прав») [43, р. 126–127].

Заключение

Таким образом, в странах Латинской Америки сохраняется преемственность институционального дизайна конституционной системы с опорой на институт президентализма (гиперпрезидентства). Появление новых деклараций прав (включая права на демократическое участие, социальные права и права коренных народов) расширяет систему институтов демократического участия и конституционного вовлечения граждан в процесс создания, обсуждения и принятия конституций. Между тем идеологические основы и каноны конституционной мысли, сформированные в XIX в. правовые традиции демонстрируют поразительное, далеко не случайное, сходство в странах Латинской Америки [10, р. XV–XVI]. Волна конституционных изменений, возникшая в кон-

це 1980-х гг. в значительной степени под влиянием опыта Бразилии 1988 г., захватила многие страны региона. Эта волна подтвердила стремление реформаторов отстоять приверженность равенству в разнообразии, развить мультикультурные основы государственного правопорядка, признать культурные традиции и многоэтническое происхождение различных обществ региона. Конституционное закрепление партисипативных институтов привело к появлению в странах делиберативной и императивной демократии участия, которые стали сосуществовать наряду с традиционными представительными институтами демократического правления. Различные исследователи обсуждают незавершенный переход к демократическому правлению во многих странах региона.

Библиографические ссылки

1. Бондарь НС. Конституционная компаративистика в системе юридического образования: сочетание научно-доктринальных и учебно-образовательных начал. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023;19(3):5–19. DOI: 10.12737/jzsp.2023.031.
2. Кравец ИА. Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2009;6:72–82.
3. Крусс ВИ. Конституционная компаративистика в системе юридического образования. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2009;6:45–56.
4. Кравец ИА. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации. *Актуальные проблемы российского права*. 2024;19(1):33–47. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047.
5. Грачева СА. Конституционализм: институциональные гарантии взаимосвязи права и власти. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2024;2:3–10.
6. Botelho CS, Terrinha LH, Coutinho P, editors. *Constitutionalism in a plural world*. Porto: Universidade Católica Editora; 2018. 270 p.
7. Tushnet M, Khosla M, editors. *Unstable constitutionalism: law and politics in South Asia*. New York: Cambridge University Press; 2015. 403 p.
8. Albert R, Bernal C, Benvindo JZ. *Constitutional change and transformation in Latin America*. Oxford: Hart Publishing; 2019. 358 p.
9. Бондарь НС, Берлявский ЛГ. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2024;20(4):46–59. DOI: 10.61205/S199132220030646-6.
10. Mendes CH, Gargarella R, Guidi S, editors. *The Oxford handbook of constitutional law in Latin America*. Oxford: Oxford University Press; 2022. 943 p.
11. Valadés D, Carbonell M, editors. *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI*. Mexico: Universidad Nacional Autónoma de México; 2004. 290 p.
12. Dixon R, Ginsburg T, editors. *Comparative constitutional law in Latin America*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2017. 376 p.
13. Васильева ТА. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019;3:55–62. DOI: 10.35750/2071-8284-2019-3-55-62.
14. Васильева ТА. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022;6:46–71.
15. Кравец ИА. Идея гражданских ассамблей и иные формы участия граждан в конституционных изменениях и публичных инициативах: опыт и перспективы конституционализации в Новом и Старом свете. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024;33(4):40–60. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-40-60.
16. Масловская ТС. Участие граждан в разработке конституции и конституционных поправок в зарубежных странах: новые подходы. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2023;2:34–41.

17. Contiades X, Fotiadou A, editors. *Participatory constitutional change: the people as amenders of the constitution*. Abingdon: Routledge; 2017. 224 p.
18. Contiades X, Fotiadou A, editors. *Routledge handbook of comparative constitutional change*. London: Routledge; 2020. 468 p.
19. Barroso LR. Foreword. The life and death of constitutions in Latin America: constitutional amendments, the role of courts and democracy. In: Albert R, Bernal C, Benvindo JZ, editors. *Constitutional change and transformation in Latin America*. Oxford: Hart Publishing; 2019. p. V–IX.
20. Примашев НМ. Конституционная реформа 1994 года в Аргентине. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2000;1:102–107.
21. Медведев СН. Конституция Аргентины 1994 г. и развитие права собственности в проекте гражданского кодекса Аргентины 1998 г. *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2011;5(1):197–201.
22. Хабриева ТЯ, редактор. *Конституции государств Америки. Том 3. Южная Америка*. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 2006. 1168 с.
23. Benvindo JZ, Bernal C, Albert R. Introduction: facts and fictions in Latin American constitutionalism. In: Albert R, Bernal C, Benvindo JZ, editors. *Constitutional change and transformation in Latin America*. Oxford: Hart Publishing; 2019. p. 1–18.
24. Negretto GL. Replacing and amending constitutions: the logic of constitutional change in Latin America. *Law & Society Review*. 2012;46(4):749–779.
25. Braver J. *We, the mediated people: popular constitution-making in contemporary South America*. New York: Oxford University Press; 2023. 264 p.
26. Чудаков МФ. *Конституционное право зарубежных стран*. Минск: Вышэйшая школа; 2018. 477 с.
27. Чиркин ВЕ, редактор. *Сравнительное конституционное право*. Москва: Манускрипт; 1996. 729 с.
28. Mayka L, Rich JAJ. Brazil's participatory infrastructure: opportunities and limitations for inclusion. In: Kapiszewski D, Levitsky S, Yashar DJ, editors. *The inclusionary turn in Latin American democracies*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. p. 155–182.
29. Costa AB, Marques MHS. O processo constituinte de 1987 e a passage do tempo: uma análise sobre um conflito. *Revista Direito Práx*. 2018;9(3):1169–1195. DOI: 10.1590/2179-8966/2017/26822.
30. Coelho IR, Larangeira A, de Araújo Moraes SDT, Messetti PAS, Silva AP. Democratic formation of the 1988 constitution of the Federative Republic of Brazil (CRFB/1988). *Journal of Human Growth and Development*. 2023;33(1):129–138. DOI: 10.36311/jhgd.v33.13823.
31. McDonald D. Making the «citizen constitution»: popular participation in the Brazilian transition to democracy, 1985–1988. *The Americas*. 2022;79(4):619–652. DOI: 10.1017/tam.2022.7.
32. Avritzer L. *Democracy and the public space in Latin America*. Princeton: Princeton University Press; 2002. 202 p.
33. Avritzer L. *The two faces of institutional innovation. Promises and limits of democratic participation in Latin America*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2017. 169 p.
34. Kapiszewski D, Levitsky S, Yashar DJ, editors. *The inclusionary turn in Latin American democracies*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. 537 p.
35. Betances E, Figueroa Ibarra C. *Popular sovereignty and constituent power in Latin America. Democracy from below*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. 208 p.
36. Герреро Бекар ХЛ. Чилийская экономическая конституция. В: Андреева ГН, редактор. *Экономическая конституция цифровой эпохи*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2020. с. 81–111.
37. Navia P. If you can fix it, why replace it? Democratizing the Pinochet constitution in Chile. *Política y Gobierno*. 2018;25(2):485–499.
38. Gargarella R. Latin American constitutional traditions. In: Mendes CH, Gargarella R, Guidi S, editors. *The Oxford handbook of constitutional law in Latin America*. Oxford: Oxford University Press; 2022. p. 306–323.
39. Becker M. New constitutionalism in Latin America: promises and practices. *Bulletin of Latin American Research*. 2015;34(1):124–126. DOI: 10.1111/blar.12278.
40. Nolte D, Schilling-Vacaflor A. *New constitutionalism in Latin America: promises and practices*. Abingdon: Routledge; 2016. 436 p.
41. Васильева Т. Проблемы преемственности и новаторства в конституционном развитии: латиноамериканская практика. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024;33(4):85–104.
42. Cobos FC. The new Latin American constitutionalism. *Canadian Journal of Latin American and Caribbean Studies*. 2018;43(2):212–230.
43. Gargarella R. Sobre el «Nuevo constitucionalismo latinoamericano». *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. 2018;27(1):109–129. DOI: 10.26851/rucep.27.5.